

блемам выбора траектории трансформируемого объекта, перехода его с одной орбиты эволюции на иную» [6, с. 21].

Научное объяснение и предвидение в политике тесно связаны, «однако по своему характеру и методологическим функциям «предвидения» существенно отличается от объяснения» [8, с. 218], поскольку относится к будущим событиям. Существенной границей предвидений является их вероятностный характер, поскольку они основываются на статистических законах.

Примером интерпретации этой проблематики в политологическом дискурсе могут служить трактовки задачи прогноза результатов выборов. Для сравнения итогов «опросов социологических служб между собой и с итогами выборов необходимо привести их в сравнимый вид» [9, с. 26].

Однако рассмотренные выше подходы оставляют за пределами исследования более сложные, иррациональные по своему существу процессы. Жизнь человека подстраивается под те или иные идеи, мифы, вымыслы. Искусственно создаваемые конструкции, виртуальный мир заменяет реальную действительность. Часто политику называют искусством возможного, и политики часто делают все возможное, чтобы достигнуть цели. Поэтому прогнозы итогов выборов должны учитывать фактор подтасовок, но как его можно учесть в опросах электората и в итогах этих опросов? Более того, прогноз, опубликованный в заслуживающем доверия источнике, сам может оказывать влияние на ход выборов.

Политическая реальность, в которой мы находимся и которую переживаем, как бы разбивается на целую серию фактов. Эти факты могут быть представлены «как следующие друг за другом дискретные состояния, а процесс – как логическая череда таких состояний» [2, с. 11]. Поэтому незначительное искажение фактов может существенно влиять на общественное мнение.

Поскольку информация становится все более доступной, в первую очередь благодаря такому достижению, как компьютерно-информационные сети, она дает возможность развивать абсолютно новые формы «осуществления информационного влияния, которые нуждаются в новой организации, способах деятельности и соответствующем научном и материально-техническом обеспечении» [7, с. 72]. Это позволяет внедрять мифы в массовое сознание более эффективно.

С другой стороны Масса, толпа в современном перманентно информатизирующемся мире не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания приверженность определяется стереотипом поведения и реакции, человек может принадлежать к толпе, к массе, не выходя из собственной квартиры, сидя у компьютера [1, с. 4]. В информационном обществе подавляющее большинство людей получает знания о явлениях и процессах, поддающихся измерению и исчислению, то есть рациональному анализу, и привыкнув доверять получаемой информации, они в большей степени поддаются влиянию мифов.

Но с другой стороны, наличие СМИ не всегда сводит на нет все прочие сети влияния. Как показывает опыт 1990-х годов, контроль над телевидением (даже в сочетании с чрезвычайно "дорогими" политтехнологиями) иногда «оказывается менее эффективным, чем традиционная тактика "от дома к дому", задействующая сети повседневности» [4, с. 62]

На основании вышесказанного можно отметить, что в техногенном обществе широкое применение в исследовании политических процессов находят естественнонаучные методы. Однако, личные амбиции политиков в техногенном обществе не изменились, что вносит иррациональный элемент в политический анализ. С другой стороны, существенно упростился механизм влияния на избирателей с помощью средств массовой информации, сообщающих мифы и искаженные факты. Это способствует тому, что избиратель, не выходя из дома, может становиться членом толпы, а его психология меняется. Тем не менее, естественнонаучные и математические методы позволяют создавать довольно точные модели политических процессов.

Источники и литература

1. Гаджиев К. С. Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 3–20.
2. Ильин М. В. Феномен политического времени // ПОЛИС. – 2005. – № 3. – С. 5–19.
3. Ёжак О. Интеграция без насилия. // Політика і час. – 2005. – № 2. – С. 61–70.
4. Казанцев А. А. Три сценария "цветной" революции в России. Моделирование сетевой динамики российской политики. // Полис. – 2006. – № 1. – С. 45–66.
5. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии. // Вопросы философии. – 2006. – № 2. С. 61–78.
6. Лапин Н. И. Антропосоциентальный подход: методологические основания, социальные измерения // Вопросы философии. – 2005. – № 2. С. 17–29.
7. Лук'янов А. Інформаційна складова та прогноз ринку ОБТ. // Політика і час. – № 12. – 2005. – С. 71–74.
8. Панарин А. С. Политология. Учебное пособие. – М.: Гардарики.–2000.–480 с.
9. Социологические службы на выборах – 99. //Социологические исследования. –2000. – № 12. – С.23–32.

Убейволок О.А.

ФАКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Украина в настоящее время находится в достаточно глубоком социально-экономическом кризисе, выход из которого возможен путем повышения интеллектуально-образовательного уровня общества. Этот уровень определяется потенциалом, создание которого представляет собой длительный процесс, регулируемый государственной политикой [1, с. 64]. Этот процесс зависит от уровня развития социального капитала.

дарственной политикой [1, с. 64]. Этот процесс зависит от уровня развития социального капитала.

Украина, как и другие посткоммунистические общества, является «областью низкого доверия как в сфере межличностных отношений, так и в области публичной жизни, поскольку опыт тоталитарного общества имел фатальные последствия для "качества гражданственности» [12, с. 145].

Социологи указывают на чрезвычайно низкое доверие политическим и публичным институтам в независимой Украине, что является следствием специфической политической культуры социализма, невыполнения обязанностей властными структурами во времена независимости и влияния обличительных материалов СМИ [3]. Мониторинг общественного мнения, который Институт социологии НАН Украины проводит ежегодно, начиная с 1994 года, показывает незначительные изменения в уровне доверия к политическим институтам, ведущим политическим фигурам и организациям публичной жизни [9, с. 495].

Украина имеет материальные, культурные и природные ресурсы, которые позволяют ей быть экономически высокоразвитой страной, но чрезвычайно низкий уровень социального капитала на государственном уровне приводит к тому, что предпринимательские возможности населения очень низкие. Поскольку уровень предпринимательских способностей определяется совокупностью умственных, нравственных, духовных, физических и других характеристик, значение универсальности человеческого капитала повышается. А это, в свою очередь, свидетельствует о возрастании роли социального капитала в обществе.

Можно отметить, что в основе инвестиций в человеческий капитал лежит социальный капитал, поскольку инвестиции в персонал, как правило, долгосрочные, а такие инвестиции практически невозможны без взаимного доверия, то есть без социального капитала.

Инвестор, заинтересованный в получении прибыли, «прежде чем пойти на прямые вложения или предоставить кредит, всесторонне исследует, что за предприятие или лицо делает заявку на инвестиции, насколько надежен партнер, имеет ли он слаженную команду квалифицированных менеджеров и работников» [5, с. 75]. То есть изучается уровень социального капитала партнера и возможность окупаемости инвестиций.

Социальный капитал тесно связан и взаимодействует с капиталом человеческим. Говоря об эффективности человеческого капитала, следует отметить, что она проявляется в результатах труда, нашедших свое выражение в том или ином товаре, обладающим определенными экономическими, техническими, нормативными и правовыми конкурентными характеристиками [1, с. 64].

Инвестиции в образование и здравоохранение приводят к увеличению социального капитала и способствуют выходу страны из кризиса.

Следует отметить, что финансирование образования осуществляется в Украине в основном за счет централизованных ресурсов. Несмотря на передачу части образовательных учреждений коммерческим структурам, появление государственных учебно-воспитательных учреждений, внедрение контрактной формы обучения в государственных вузах, общий уровень образованности и её доступности снижается.

Сегодня преобладающим источником инвестиционной деятельности в Украине считаются средства зарубежных инвесторов. Однако последние не заинтересованы в повышении интеллектуального уровня украинцев, поэтому ведущая роль в финансировании расходов на образование отводится внутренним инвесторам. К таким инвесторам «следует отнести непосредственных потребителей данного экономического блага и современных работодателей, для которых затраты на повышение квалификационного уровня образования будут одной из форм долгосрочных инвестиций, приносящих высокий уровень дохода» [2, с. 77].

Главным организационным принципом современной экономики является динамическое сотрудничество между предприятиями, которое влияет на специфику взаимодействия субъектов социально-экономической и политической жизни. «Социальный капитал (общие нормы, доверие) в таком сотрудничестве не менее важен чем физический (оборудование, технологии) и человеческий капитал (интеллект, знание, образование и учеба)» [11, с. 162].

В мире наблюдается рост роли умственного труда и уменьшение физического. За последние 100 лет доля физического труда снизилась с 90 до 10 %, а в ближайшие годы, по прогнозам специалистов, она снизится до 5% [6, с. 4].

Человек, его созидательные способности и качества, экономическое и социально оправданное использование человеческого капитала, наконец, его устойчивое воспроизводство, количественный и качественный прирост – вот те движущие силы, которые определяют не только тактический, экономический и военно-политический успех государства, а и долгосрочные перспективы развития общества, его историческую жизнеспособность.

Говоря же более конкретно, применительно к теме роли образовательных услуг в рыночной экономике, предварительно заметим, что место и роль любой страны в международном разделении труда, ее конкурентоспособность на мировых рынках зависит, прежде всего, от двух взаимоопределяющих факторов: во-первых, качества подготовки специалистов и ученых и, во-вторых, тех условий, которые страна (или социоэкономическая система) создает для проявления и реализации их интеллектуального потенциала [13, с. 16].

Потребность в интеллектуальном потенциале, спрос на него – важнейший стимул его мобилизации и актуализации. Стратегическая доктрина прогресса промышленно развитых стран мира опирается на концепцию всемерного развития человеческого потенциала, а система образования в значительной мере способствует этому. За ее счет экономически развитые страны получают до 40% прироста валового национального продукта [13, с. 17].

Как известно из мировой экономической практики, инвестиции в образование считаются не самым удачным расходом средств при краткосрочном планировании, но с точки зрения долгосрочного – это наиболее выгодное вложение капитала. Авансируемый капитал затем даст отдачу в виде прибыли, создаваемой челове-

ским капиталом. Инвестиции в человеческий капитал можно рассматривать на разных уровнях: макро– (в масштабах страны), мезо– (по отраслям экономики) и микроуровнях (по предприятиям с точки зрения индивидов). Студенты, обученные по передовой методологии и на современном оборудовании, умеющие мобильно мыслить и обобщать, являются основным капиталом для своей страны, принесут дивиденды не только своими знаниями и профессиональными навыками, разработками и исследованиями, но и составят ее интеллектуальное богатство [13, с. 18].

Инвестиции в интеллектуальный и социальный капитал дают экономические и неэкономические выгоды личности, организации, обществу. Экономические выгоды выражаются в виде прироста заработной платы, производительности труда или в экономическом росте, тогда как неэкономические выгоды – в увеличении социальной сплоченности, снижении преступности, улучшении здоровья и качества жизни, в улучшении окружающей среды. Инвестиции в интеллектуальный капитал и в капитал знаний «способствуют росту социального капитала, который проявляется и увеличению доверия, выработке и соблюдению морально-правовых норм, а также пониманию и уважению разных культурных традиций» [10, с. 35].

Инвестор, делая инвестиции в образование, должен быть уверен как в качестве образования, так и в том, что человек получивший образование, будет работать по специальности. Однако в современной Украине высококвалифицированный человек с высшим образованием, работающий в бюджетной сфере может получать меньшую заработную плату, чем менее квалифицированный, но работающий в сфере частного бизнеса. Все это снижает ценность полученного образования, а также уровень государственного социального капитала.

«В определении уровня зарплаты уменьшилась роль таких активов человеческого капитала, как профессиональный опыт на рынке труда (стаж работы) и специальный человеческий капитал (т.е. опыт, накопленный на данном рабочем месте)» [8, с. 42].

Также следует отметить возрастание косвенных издержек (упущенных заработков за период обучения) при переходе на каждую следующую ступень образования. В сфере послевузовского образования «система государственного финансирования должна предполагать значительные компенсации косвенных издержек молодых ученых, а также долевое участие в индивидуальных издержках (оплата части стоимости проживания, научной литературы). При этом за соискателем ученой степени все равно остается большая часть косвенных и индивидуальных издержек» [7, с. 8].

Выше изложенное подтверждает вывод о том, что для интенсивного развития экономики и обеспечения ее положительного роста необходимо повысить эффективность и результативность деятельности человеческого капитала, что невозможно без увеличения значения социального капитала.

Украина с переходом к рыночной экономике, развитием малого бизнеса, увеличением количества предприятий встала перед проблемой подготовки квалифицированных менеджеров. В административно–командной экономике на управленческие должности назначались в основном специалисты, владеющие технологией производства и показавшие организаторские способности. Появление частной собственности и увеличение количества предприятий определили необходимость подготовки специалистов–менеджеров различных направлений для формирования эффективного и конкурентоспособного негосударственного сектора экономики.

Главные потери в экономической сфере Украины связаны с недостаточным развитием социального капитала, и были обусловлены причинами преимущественно субъективного характера. В связи с этим, а также с демократизацией общественной жизни, повышением самостоятельности трудовых коллективов актуализируются исследования механизмов поведения людей, формирования мотивов к производственной деятельности [4, с. 53].

Источники и литература

1. Борщ Л. Инвестиции в человеческий капитал – основа экономического роста Украины // Персонал. – 2001. – № 4. – С.64–65.
2. Галицкая О. Е. О необходимости привлечения инвестиций в человеческий капитал Украины. //Вісник Дніпропетровського державного фінансово–економічного інституту. Сер.: Економічні науки. – Дніпропетровськ, 2000. – Т. 1. – С. 76–78.
3. Головаха Є. Суспільство, що трансформується. Досвід соціологічного моніторингу в Україні. – К., 1997.
4. Завадский И., Червинская Л. Факторы мотивации персонала в менеджменте. //Экономика Украины. –1999. – №. 9.
5. Коваленко М. В. Инвестиции в человеческий капитал в условиях переходной экономики Украины //Вісник Дніпропетровського державного фінансово–економічного інституту. Сер.: Економічні науки. – Дніпропетровськ, 2000. – Т. 1. – С. 74–75.
6. Куценко В. Удовиченко В. Опалева И. Образование как фактор стабильности и национальной безопасности Украины. // Экономика Украины. – 1998. – №. 1.
7. Майбуrow И. Эффективность инвестирования в человеческий капитал в США и России. // Мировая экономика и международные отношения. – 2004 . – № 4. – С. 3–13.
8. Максютин Е. В. Человеческий капитал как экономическая категория. // Актуальные проблемы современной науки. –2002.– № 5. – С. 39–43.
9. Мартинюк І. Співвідношення довіри й недовіри в українському суспільстві з точки зору аналізу реалій сьогодення. // Україна–2002: моніторинг соціальних змін. – К, 2002. – С. 498–508.
10. Мясоедова Т. Г. Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия. // Менеджмент в России и за рубежом. – М., 2005. – № 3. – С. 29–37.

11. Опацька С. Нова економіка та фактор людського капіталу. // Регіональна економіка. – 2001. – № 4. – С. 161–165.
12. Погоріла Н. Довіра населення до політичних та публічних інституцій у порівняльному контексті. // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2003. – № 3. – С. 144–156.
13. Самойлов В. А. Модернизация образования и человеческий капитал. // Высшее образование сегодня. – 2004. № 11. – С. 16–20.

Чемшит А.А.

СИНДРОМ БИНАРНОСТИ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государственность, как объект социально-философского анализа, сохраняет свою актуальность во все времена, но ее значимость возрастает на порядок в условиях переходных периодов. XXI век не без основания можно рассматривать как переход от индустриального к информационному обществу, и этот переход сопряжен с “инвентаризацией” старой шкалы ценностных ориентиров, за которой последует потребность в обновлении всех составляющих духовной жизни общества, всего того, что проходит по реестру надстройки общества. В это правило попадает и государственность. Институт государства, как форма выражения вертикали власти в системе координат общественного развития, находится в состоянии перманентного кризиса. В условиях индустриального общества, как общества “формальной рациональности”, бюрократия, как неотъемлемый элемент организации и управления, трансформировалась в бюрократизм (систему самообеспечения), а тенденция глобализации современного мира обусловила необходимость передачи части властных полномочий центрам организации мирового сообщества. А если к этому добавить делегирование определенных полномочий местному самоуправлению, то от авторитета власти остается только название. Не случайно в западной литературе при характеристике института государства в обиход вошел термин “государство в статусе ночного сторожа”. И все же, институт государства не исчерпал своих возможностей обеспечивать регламент жизни общества. Украинская государственность – не исключение. Ее развитие проходит под знаком трансформационных процессов европейской действительности, которое усугубляется преодолением советского прошлого.

Украинской государственности 15 лет. Едва ли инициаторы суверенитета и все те, кто поддерживал независимость Украины в 1991 году, ожидали видеть казавшуюся столь перспективной, едва ли не “второй Францией”, страну в таком незавидном положении, в каком она находится сегодня. Трансформационные проблемы Украины вызвали к жизни проблему, которую условно можно назвать “синдромом бинарности” политического процесса в Украине. Синдром бинарности демонстрирует раздвоенность и разрыв целостности. Каждая проблема, которую решает государственность Украины, как правило, несет на себе печать дуальности.

Прежде всего, это дуализм территории, разлом и границы которой четко обозначились в ходе избирательных кампаний 2004, 2006 гг. Сколько бы мы ни слышали из уст Президента и других политиков, что “Украина у нас одна”, это, мягко говоря, неправда. Украины у нас две и это мы видим, если хотим видеть, и можем назвать массу факторов исторического, политического, экономического, этнического, культурного, языкового порядка, которые не только не идентичны, но и в значительной мере антагонистичны, если сопоставлять ценности Центра и Запада с одной стороны, и Юго-Востока с другой.

Второе. Особо звучит в этой связи геополитический фактор и внешнеполитический курс государства. В стране нет единого мнения по этой проблеме, и мне думается, что мысль о том, что только слабая информированность населения юго-восточных регионов о природе, целях и намерениях НАТО, о чем твердит г. Тарасюк, является препятствием на пути консолидированного взгляда и поддержки провозглашенного курса на Запад – неверна. Дело здесь вовсе не в проясненном сознании! Проблема вообще лежит вне рационального сознания. Она имеет чувственную природу, природу привязанности к своему, и тому, что считается родным и близким. Одна часть населения против НАТО, потому что понимает, что это означает дружить против России, а она не хочет этого, продолжая считать Россию частью своей, хотя уже и утраченной Родины. Вторая половина, напротив, считает Россию причиной всех своих бед и готова бежать куда угодно, хоть через Атлантический океан, лишь бы никогда не быть с Россией вместе.

Третье – языковая дилемма. В Украине реально существует двуязычие. Примерно в равных пропорциях. Однако факт двуязычия официальной властью игнорируется. Для значительной части украинского политикума сохранение конституциональной нормы – “українська мова – єдина державна” – самая важная из всех существующих задач. Поборники единого государственного языка не желают признавать русский язык даже в статусе регионального. Русскоязычные на данный момент не имеют достаточного ресурса: ни политического, ни правового, чтобы уравнивать русский язык с украинским и добиться признания его в качестве второго государственного. Но является бесспорным, что от этих попыток они не откажутся никогда, а русский язык с территории Украины также никуда не денется. Следовательно, фактор двуязычия не будет способствовать консолидации нации ни в каком варианте: ни в случае отказа русскому языку в статусе второго государственного, ни тем более, если этого каким-то образом удастся добиться.

Четвертый пример. Страна и политикум расколота также и по такому важному вопросу как понимание исторического прошлого Украины. В Центре и особенно в Западных областях имперское и советское прошлое Украины – это цепь сплошных преступлений против украинского народа, это намерения его всячески унижать, ущемлять и уничтожать. Для этого существуют определенные основания, например реакция Петра I на измену Мазепы, введение крепостного права, ликвидация Запорожской Сечи Екатериной II, голодомор времен